

Александр Фалом

Забывтая молния
Сборник исторических рассказов

Александр Ралот

**Забытая молния. Сборник
исторических рассказов**

«Издательские решения»

Ралот А.

Забытая молния. Сборник исторических рассказов / А. Ралот —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939018-9

Швейцарец не заставил себя долго ждать. Опираясь на массивную трость, вышел из столь же массивного лимузина. Его самообладанию мог бы позавидовать любой шпион (Или разведчик. Это кому как нравится). Только резко увеличившиеся в размерах глаза выдавали крайнюю степень его удивления.

ISBN 978-5-44-939018-9

© Ралот А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Загадки	6
Забытая молния	6
***	8
Двенадцать неизданных писем Пушкина	9
Дважды лауреат, или Письма из Швейцарии	11
Русский монарх затерянного государства	14
Загадка от стечения обстоятельств	17
Золушка из русского средневековья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Забытая молния

Сборник исторических рассказов

Александр Ралот

Корректор Качалина Наталья

Дизайнер обложки Яна Ерошенко

© Александр Ралот, 2018

© Яна Ерошенко, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-9018-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Загадки

Забытая молния

(Все имена в данном рассказе выдуманы автором, а посему, любые совпадения с людьми реальными следует рассматривать как чистую случайность)

Женщина ходила по комнате, закусив губу, размышляла, как же поступить? В который уж раз перебирала коробки с обувью, заполнившие половину помещения. Наконец, опустилась на край стула. Отхлебнула из чашки остывший чай. В голове одна за другой, словно в киноленте, всплыли картинки из прошлого. Вот она, маленькая сидит на коне, прижавшись к отцу, разведчику первой конной армии. После войны переезд в столицу. Окончив школу, ни минуты не сомневаясь, поступила в Московский изобразительный техникум. Затем работа на киностудии.

В начале тридцатых годов из Америки в страну приехала группа молодых актеров. Они хотели создать в СССР свой театр. Понятное дело, у ничего из этой затеи не вышло. И через некоторое время ребята отбыли восвояси. Кроме одного. Остался ради неё. Ну и ещё для интересной работы, в качестве диктора иностранного радиовещания. Поженились. Через год увидел свет их первенец- мальчишка Джим. Какая же была в семье радость, когда малыш снялся в одном нашумевшем фильме и стал, правда на время, звездой экрана.

Луч солнца нахально проник в комнату и упал на одну из коробок. Вера мгновенно перенеслась из прошлого в реальность.— Не, то. И это не годится. А эти, так совсем ни в какие ворота.

Скрипнула дверь, и в комнату заглянул руководитель пошивочного цеха.

— Опять куксишься? Радоваться надо. Ведь не в глушь летишь, не в Саратов. А самый, что ни на есть, настоящий Париж. Можно сказать-в саму столицу мировой моды!

— С чем лететь? Вот с этим? — Вера держала на вытянутых руках женские боты. Война четырнадцать лет назад закончилась. А мы всё по до военным колодкам изготавливаем. Опозоримся там, и вся недолга.— Она осеклась, не закончив свой монолог.— А это у тебя в руках, что? —Женщина решительно отбросив обувь, потянулась за блестящим предметом, намотанным на руку гостя.

— Ну, ты даёшь! Сколько тебя знаю, а всё не перестаю удивляться.— Мужчина отдал ей замок-молнию.— Позволю себе напомнить, что сей нужный предмет изобретён довольно давно. Ещё в 1891 году американец Уиткомб Джадсон запатентовал изобретение под названием застёжка-молния. Эти нехитрые приспособления успешно использовать в военной форме и даже в амуниции различных армий. А по окончании первой мировой войны, вернувшиеся с фронта солдаты потребовали, чтобы и в гражданских костюмах использовалась полюбившаяся быстрая «молния».

Вера не слушала поучительную лекцию. Она примеряла застёжку к голенищам сапожек. Спустя минуту решительно всучила гостю пару сапог.

— Быстренько распори и вставь!

— Я не понял? Что распороть и чего вставить?

— Вот тут распори и пришей.—Женщина схватила со стола кусок мела и провела им жирную черту.

Эстеты и знатоки современной мировой моды вяло переговаривались в фойе известного дома, в ожидании начала показа моделей, прибывших из Советского Союза.

– Что они могут нам демонстрировать? Закрытое государство. Сами себя изолировали от цивилизованных стран.

– Сейчас выйдут в этих, как же их называют? Вспомнил-телогрейках. Фуфайках. Основная коммунистическая модель.

– А что! Удобно. И на работу можно, и в театр. Пролетарии всех стран, соединяйтесь и унифицируйтесь.

Изящные девушки-демонстраторы одежды пятого разряда (профессия манекенщица в СССР – отсутствовала) вызвали настоящий фурор. Присутствующие позабыв обо всём, аплодировали стоя.

Щёлкали многочисленные затворы фотоаппаратов, слепя их вспышками. Но абсолютный восторг вызвали сапожки с молнией и аппликацией на каблукке. Именитые кутюрье, высокомерные бизнесмены от лёгкой промышленности и эксперты, толкая друг друга, рванулись к подиуму, чтобы во всех деталях рассмотреть невиданную ранее застежку.

– Госпожа! Позвольте узнать, сколько будет стоить лицензия, на использование вашего патента?

– Образец продадите? Если да, то за сколько?

– Когда начнётся промышленная продажа модели? Только у вас в стране или будет организован мировой экспорт?

Вера жмурилась от бесконечных фотовспышек и наивно пожимала плечами. В самом деле, не объяснять же «буржуям», что сапожки дорабатывали в последний момент, когда коллекция уже была собрана и готова к отправке за рубеж. И она попросила разместить сбоку застежку-молнию, в основном ради удобства.

По возвращении на Родину, вопрос о производстве новой модели женской обуви не рассматривался ни одним министерством, или ведомством.

Выставочные образцы по описи сдали на склад, где и те и пылись до момента списания.

Через год, во всех коллекциях известных домов мод были выставлены на продажу женские сапожки с различными застежками-молниями. Кто-то из руководителей страны Советов всеуспомнил о Вере. Но какой-либо материальной выгоды от своего изобретения женщина так и не дождалась.

Середина восьмидесятых годов прошлого столетия

Невольно подслушанный разговор двух женщин на остановке общественного транспорта.

– Любаня, везёт же тебе! Мужинёк поди, каждый месяц чеки «Внешпосылторга» из загранки присылает. Можешь себе позволить без всяких очередей в «Берёзке» финскими сапогами отовариться.

– Анюта, да и ты, я посмотрю, не промах! Вон какую здоровенную коробку отхватила! И в ней, я так понимаю, не лапти лыковые фабрики

«Освобождённый труд». Колись! Что там у тебя?

Аннушка улыбнулась. – Ну это, конечно, не финны, но и Югославия тоже ничего. Не хуры-мухры. Изготовлено в городе Скопье. И не абы как, а по итальянской лицензии. Там об этом золотыми буквами написано. Между прочим, с вечера очередь занимала, а ночью своего посылала отмечаться, чтобы к утру из списка не вычеркнули. Зато, вот, погляди, какая красотень! На молнии. Нашим такое ни в жизнь не придумать. При этих словах счастливая обладательница дефицита достала из коробки обувной шедевр и гордо задрал нос, продемонстрировала его окружающим.

ответ: Вера Аралова

Двенадцать неизданных писем Пушкина

27 июля 1929 года ему вручили пакет, тщательно упакованный и скрепленный печатями английского почтового ведомства.

Постоялец солидного отеля чуть заметно дрожащей рукой забрал его и поставил подпись в журнале корреспонденций. Получатель отлично знал, что там внутри. За содержимым этого пакета он охотился многие годы.

– Открывать или нет – вот в чём вопрос? До отхода поезда остаётся менее часа, но как же хочется посмотреть на них. Нет. Нет, не сейчас. Если вскрыю тогда уж точно – вообще никуда не поеду. Потом, позже, по возвращению.

Он положил пакет в сейф, набрал заветные цифры кода и, не оборачиваясь, покинул помещение.

Пакет распечатали уже совсем другие люди, строго следуя каждой букве в его завещании.

Там лежали двенадцать никогда ранее не опубликованных писем Александра Сергеевича Пушкина. Они должны были стать бриллиантом в коллекции героя нашего повествования.

Человек, о котором я хочу Вам поведать, был весьма состоятельным и в денежных средствах нужды никогда не испытывал. Однако, живя долгие годы в Европе, так и не обзавёлся собственным жильём. Довольствовался апартаментами в дорогих отелях, обустривая их по собственному желанию. Велел вешать на стены картины известных мастеров. Книжные шкафы заполнял дорогими редкими книгами.

Сделав своё состояние на западе, он оставался глубоко русским человеком. А по сему не мог не боготворить Пушкина, приобретая, где только можно, любые предметы, прямо или косвенно связанные с поэтом. Его друг, а в последствии и биограф Сергей утверждал, что в нашем герое поселился микроб коллекционера. Самый страшный микроб, ибо он делает человека рабом своей страсти.

Внучку Пушкина Софью император Александр III не пускал на Родину. По его указанию она была объявлена *persona non grata* в Российской империи. И, конечно, сей факт никак не связан с личной неприязнью Самодержавца. Виною тому – морганатические обстоятельства. Дело в том, что Софья Николаевна позволила себе выйти за муж за внука Николая I, Великого Князя Михаила Михайловича. Тайное венчание состоялось в маленьком итальянском городке Сан-Ремо, подальше от любопытных глаз вездесущих журналистов. Когда мать Великого Князя Михаила, Великая Княгиня Ольга Федоровна, узнала о случившемся факте, с ней случился удар, после которого она уже не оправилась и в скорости последовала в мир иной.

Что поделатъ, вот такие тогда были времена. Годы, когда матери, узнав, что их сыновья берут себе в жёны женщин из рода великого Пушкина, умирали. И не от счастья, а от горя.

Бурная река финансовых вливаний от дома Романовых была перекрыта напрочь. И счастливый супруг Михаил вынужден был зарабатывать на жизнь, служа старостой в одном из русских православных соборов на юге Франции. Затем семейство перебралось в Лондон. (Помните, именно оттуда много позже и был отправлен знаменитый пакет!) Самое ценное, что было у Софьи Николаевны, – это коллекция писем бабушки к бабушке, то есть Пушкина к Наталье Гончаровой. Когда-то эти письма принадлежали дочери поэта Наталье Александровне. Но в трудную минуту она передала их И. С. Тургеневу для заработка, посредством пуб-

ликации. Иван Сергеевич перевёл их с французского (а наше всё – писал свои письма исключительно по-французски!) и опубликовал, но не все – шестьдесят три из семидесяти пяти. Двенадцать писем ещё не женатого Пушкина к своей невесте так и не были преданы широкой огласке. Вот они-то и перешли по наследству к следующему поколению, то есть к Софье Николаевне.

Именно за этим раритетом и гонялся герой нашего повествования. Двенадцать писем стали его вожаемой мечтой. Однако их владелица раз за разом отвечала ему категорическим отказом. Не помогали даже благотворительные концерты, устраиваемые в её пользу, я уже не говорю о весьма значительных суммах, предлагаемых покупателем. Но жизнь есть жизнь, и она всегда вносит свои коррективы. В 1927 году внучки Пушкина не стало. Безутешный супруг, Великий Князь Михаил Михайлович, относился к классику русской поэзии без какого-либо пиетета. Кроме того, престарелый Романов любил выпить, а по сему регулярно нуждался в деньгах. Короче, сделка наконец состоялась. Наш герой за сравнительно небольшие деньги, всего-то пятьдесят тысяч франков получил то, что хотел. Письма были доставлены в отель летом 1929 года. А ещё через три недели, так и не успев насладиться удачной покупкой, преуспевающий коммерсант и не менее удачный коллекционер скончался и был похоронен на острове Лидо на кладбище Сан-Микеле.

Благодарные французы в память об этом удивительном человеке назвали одну из площадей своей столицы. В России же я не встречал даже переулков с его именем. Наверное, просто не попались.

На этом мне бы стоило закончить свой рассказ и традиционно спросить – о ком же идёт речь в этой загадке? Но нельзя. Потому как ты, дорогой мой читатель, обязательно спросишь: – Стоп. А что же стало потом с этими пушкинскими письмами?

В 1936 году они были опубликованы в одной очень дорогой и редкой книге, предисловие к которой написал парижанин Модест Гофман. Сейчас найти эту книгу практически невозможно. Как говорят, редкость редкостная.

В 1953 году после смерти Сталина друг нашего героя Сергей решил сделать широкий жест и подарить советскому государству эти двенадцать писем. Но ему отказали во въездной визе. Как говорится, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами.

Прошло ещё тридцать пять лет. В 1988 году на аукционе Содебис уполномоченные представители Советского Союза за один миллион рублей наконец-таки приобрели заветные письма, которые и были доставлены в нашу страну с соблюдением всех необходимых мер предосторожности.

Ответ: Сергей Дягилев

Дважды лауреат, или Письма из Швейцарии

Согласно уставу, самая престижная литературная премия республики Франция – Гонкуровская, не может быть присуждена одному писателю дважды. Но в архивах этой награды можно отыскать случай, когда одному человеку это удалось. Читатели долгое время считали, что это были два совершенно разных автора. Один из них – Ромен Гари. В далёком 1956 году он стал гонкуровским лауреатом за книгу «Корни неба». Понятное дело, что после этого романы Гари стали выходить огромными тиражами. По большому счёту писатель уже при жизни стал современным классиком французской литературы. Как это очень часто происходит с такими литераторами, их творения издают всё больше и больше, а читают всё меньше и меньше. По всей вероятности, именно поэтому Ромен Гари, заработав кучу денег, куда-то исчез. Впрочем, он вполне мог себе это позволить – уединиться где-нибудь на тропических островах и почитать на лаврах всю оставшуюся жизнь. Прошло полтора десятка лет. И вот в известное издательство «Галимар» из далёкой Бразилии пришёл пакет с рукописью книги. Под названием «Толстяк» – никому не известный автор Эмиль Ажар. Редколлегия книга понравилась и её незамедлительно напечатали. А уже через год второй роман этого писателя под названием «Жизнь впереди» попал в лонг-лист гонкуровской премии и победил, обойдя множество других конкурентов. Дотошные журналоги сбились с ног, разыскивая Эмиля Ажара, но тщетно. Гения найти не удалось. Зато обнаружился в одной из психбольниц, в соседней Дании, человек со странным именем Поль Павлович (Пал Палыч), который написал разоблачительную повесть о том, как коварный родственник по имени Ромен Гари упрятал незадачливого племянника в психушку, отобрав при этом все ранее написанные рукописи. Сразу же во всех газетах того времени появились душещипательные статьи, после которых несчастный Поль Павлович очень быстро переместился из больничной койки в кресло директора известного французского издательства «Меркюр де Франс».

Но хэпи-энда не получилось. Скоро выяснилось, что на самом деле нет никакого Эмиля Ажара, нет и психически больного Поля Павловича, а есть всё тот же престарелый писатель Ромен Гари, который и придумал эту мистификацию, что бы вернуть себе былую угасшую славу.

Мой внимательный читатель, прочтя всё это, непременно скажет: – Позволь, но ты же, автор, пишешь загадки исключительно про русских людей, при чём здесь этот француз? Какое мне до него дело?

В прошлом веке в Советском Союзе взяли да и издали книгу Романа Гари, которая называлась «Обещание на рассвете». Не знаю, как там на счёт авторских гонораров, скорее всего, ни копейки не заплатили. Был такой обычай у нашей номенклатуры. Да суть и не в этом, а в том, что этот роман по своей сути – автобиографический. И я позволю себе кое что оттуда позаимствовать. Мне хочется поведать не столько о самом авторе, сколько о об удивительной женщине, матери писателя – Нине Борисовской.

Частенько в своих воспоминаниях люди приукрашивают прошлые события. Рассказывают о том, чего на самом деле не было или было, но немного, нет так и не в тех местах. Борисовская же приукрашивала будущее. Она рассказывала своему сыну, как они великолепно заживут в далёкой Франции. Какая шикарная их там ждёт жизнь и только-то и остаётся, что туда добраться. Бывшая актриса открыла в городе Вильно маленькую швейную мастерскую

и рассказывала всем и каждому, что представляет в столице Литвы знаменитого французского кутюрье Поля Пуаре. Понятное дело, что великий француз и понятия не имел, что в каком-то далёком заштатном городишке у него имеется официальный представитель. Но бизнес – есть бизнес, и соответствующая вывеска, украшавшая вход в мастерскую, позволяла женщине иметь неплохой доход. Но и конкуренты не дремали – распустили слух, что никаким французом здесь и не пахнет. Репутацию фирмы надо было срочно спасать, но как? Вскоре в Вильно прибыл сам мсье Поль Пуаре. В модных клетчатых брюках и слегка под шафе. Уселся в мастерской и беспрестанно приставал к заказчицам и белошвейкам. Его постарались как можно быстрее напоить и отнести в вагон варшавского поезда. Не забыв при этом сунуть в сюртук театрального пиджака, взятого на прокат, небольшой гонорар. Артист второго плана Краковского театра остался вполне доволен удачной творческой командировкой.

Спустя несколько дней мадам Борисовская постучала во все окна и вызвала во двор своих соседей.

– Посмотрите на этого мальчика. Это мой сын! – срывая голос, надрывно произнесла она. – Это будущий великий писатель, будущий кавалер Ордена почётного легиона! Будущий посланник Республики Франция!

Хохот стоял такой, что казалось ещё немного и стекла домов вылетят из своих рам. Мальчик вырвался из рук матери и, сгорая от стыда, выбежал из двора. Но эта история имел своё продолжение. На следующий день мальчугана позвал к себе сосед по подъезду:

– Понимаешь малец, – произнёс он, протягивая гостю корбочку с рахат-лукумом. Некоторые мамы очень хорошо предчувствуют судьбу своих детей.

– Угу, – ответил мальчуган. – Я буду кавалером Ордена почётного легиона.

– Моя фамилия Пикельный, – продолжал хозяин квартиры. – Когда ты там, в будущем, станешь общаться с сильными мира сего, не сочти за труд – замолви за меня словечко. Скажи, что в городе Вильно на улице Большая Погулянка в доме номер 16 живёт человек по фамилии Пикельный. Скажешь?

– Угу, – ответил будущий орденосец, схватил остатки лакомства и выбежал из квартиры.

С той памятной встречи прошло двадцать лет. Ромен Гари служил лётчиком в составе авиаполка генерала Шарля де Голля. В их часть приехала английская королева. Она обошла строй бравых вояк. Остановила свой взгляд на Гари.

– Откуда вы? – спросила она.

– Из Ниццы, – ответил лётчик. И это было правдой. К началу войны они с матерью всё же смогли исполнить свою заветную мечту и поселиться в этом курортном городе на юге Франции.

– А ещё я вам хочу сказать, Ваше Высочество, – продолжал Ромен Гари, – что в городе Вильно на улице Большая Погулянка в доме номер 16 живёт человек по фамилии Пикельный.

Сколько дней провёл на гауптвахте за эту фразу герой моего повествования точно не известно, да это и не важно. Важно совсем другое. В течение всей войны, практически каждую неделю он получал коротенькие письма от матери. Они приходили в Англию окольными путями – через нейтральную Швейцарию, в которой жила давнишняя подруга их семьи. Пожилая женщина писала, какое нынче море, кто уехал, кто приехал, сколько стоят продукты на местном рынке и так далее и тому подобное. Но в каждом из этих писем была поддержка самого близкого человека, её любовь и забота о сыне.

Однажды самолёт Гари был обстрелян немецкими зенитками. Стекла кабины разлетелись вдребезги, при этом сильно изранив лицо пилота. Он посадил машину практически вслепую. За этот подвиг Ромен Гари был награждён орденом Почётного легиона. У храброго лёт-

чика брали интервью, а узнав, что он написал книгу, немедленно её издали. Так пришла слава мастера слова. А ещё через некоторое время ему, отставному военному и модному писателю, предложили дипломатический пост посланника Франции. В какой стране – по выбору самого Гари. Наконец война закончилась. Он тут же помчался в Ницу. Но мать Ромена Гари не встретила. Её не было ни в больнице, ни в доме престарелых. Имя его матери уже никто не помнил. Все, к кому он обращался, дружно пожимали плечами. Наконец в муниципалитете с прискорбием сообщили – госпожа Нинель Борисовская скончалась три с половиной года назад. Понимая, что умирает, она написала 250 писем и переслала их в Швейцарию с тем, чтобы её подруга отправляла их в далёкую Англию строго каждую неделю.

Вот собственно и всё, что я хотел рассказать. А где же загадка? Ах да, загадка! Она в настоящей фамилии Ромена Гари. Той фамилии, с которой будущий писатель и мистификатор ходил в школу в далёком городке Вильно.

Ответ: Рома́н Лейбович Ка́цев

Русский монарх затерянного государства

Элегантный мужчина в дорогом твидовом костюме с перекинутым через руку кашемировым пальто выглянул из-за угла на площадь Плайя де оро. Его взгляд скользнул по циферблату больших старинных часов. – «Рано. Надо выждать еще несколько минут. Точность – вежливость королей. Если швейцар будет отбирать плащ, не отдам. Но излагать свою концепцию перед членами Генерального совета с плащом в руках, не допустимо! Чёрт, чёрт, чёрт... И угораздило же меня вляпаться в эту махинацию с золотыми часами. И что теперь? Ни хронометра, ни денег. Да ещё в такой неподходящий момент. В наше время князь без часов – это моветон.» – Додумать до конца эту мысль ему помешал перезвон курантов. – «Вот теперь пора.» Мужчина расправил плечи и через секунду открывал массивную дверь.

– Господа, не пройдет и трех лет, как наша любимая Андорра засияет ярким бриллиантом в короне старушки Европы. Новые горнолыжные курорты привлекут сюда любителей скоростного спуска со всех стран. Вначале мы кардинально изменим налоговую систему. Мешок шерсти можно получить полностью, лишив волосяного покрова пару овец или состригая по десять сантиметров с сотни домашних животных. Так давайте прибегнем ко второму варианту. И вы увидите, что знаменитые горнолыжные курорты Австрии и Швейцарии в момент опустеют. Тоже самое и с торговлей. Отмените ввозные пошлины на все товары.

– Позвольте! – Перебил оратора грузный пожилой человек, облаченный в мундир, похожий на опереточный, – Да будет вам известно, что наша маленькая страна практически ничего сама не производит. Всё, что у нас есть – это горы и скалы. И если мы отменим таможенный сбор, то нам придется упразднить пенсии, а наши чиновники будут ходить на работу из чувства патриотизма, ибо платить зарплату нам будет не из чего.

Мужчина улыбнулся, окинул взглядом всех окружающих и продолжил:

– Вы зря меня перебили. В своем следующем предложении я бы вам все разъяснил. Спустившиеся с гор лыжники, как и их милые спутницы обычно испытывают сильнейшее чувство голода, которое спешат незамедлительно утолить в ближайших кафе и ресторанах. Вы улавливаете мою мысль? Туристам надо где-то спать. А значит нужны отели и кемпинги. Много отлично оборудованных гостиниц. Горнолыжное снаряжение довольно громоздко. Поэтому мы с вами откроем в стране пункты его проката. Налоги от всего этого в разы компенсируют потерю от отмененного сбора.

В зале раздались единичные хлопки, переросшие в бурные аплодисменты. Мужчина выставил руки вперед, требуя тишины. Спустя минуту он продолжил:

– И наконец мы с вами создадим количество рабочих мест, превышающее число жителей нашей благословенной страны. Понятное дело, что андоррцы займут руководящие посты. Рабочие специальности достанутся эмигрантам. Именно они и будут платить в нашу казну подходящий налог. Я так полагаю, что наших сограждан от этой унижительной обязанности мы сможем освободить. И ещё марки. Почтовые марки, господа.

– Что за чушь вы несёте? Какие марки? При чём тут это? – Председательствующий вскочил со своего кресла. – У нас одно единственное отделение связи на всю Андорру.

Докладчик улыбнулся. – Взгляните в окно. Такой красоты нет ни в одной из стран Европы. Да, что там Европы. Таких пейзажей вы не отыщите нигде в мире. Поверьте мне. Каждый приехавший сюда обязательно закупит кучу открыток с видами гор и наклеив на них марки обязательно пошлёт их к себе на родину. У русских есть замечательная пословица- « курочка по зернышку!»

– Ещё пернатых нам не хватало. Да будет вам известно, что большинство жителей государства не могут обеспечить себя зерном, мукой и хлебом. Живут практически впроголодь.

Для всего что вы нам сейчас изложили потребоваться инвестиции – колоссальные вложения. В стране нет таких денег. – Человек облачённый в опереточный мундир, с огромными лампами, развёл руки в стороны.

– Я это знаю. И берусь полностью решить финансовые проблемы.

– И что вам для этого требуется?

– Ничего особенного. Просто изберите меня королем.

Услышав это председатель стал судорожно хватать ртом воздух.– Орлеанский! Если мне память не изменяет, мы уже один раз выставили вас из этого здания. Можете не сомневаться все присутствующие сделают это снова. При чём с большим удовольствием. Если вы закончили, то попрошу незамедлительно покинуть здание, а за одно и страну. При чём как можно скорее. У нас к сожалению нет ни полиции, ни армии, но уверяю пару-тройку дюжих парней я смогу нанять, за умеренную плату. Они вам помогут, если вы сами не унесёте отсюда ноги.

Орлеанский ничего не ответил. Он решительно подошёл к столу и положил на зелёное сукно папку.

– Что это?

– Новая конституция страны. Самая короткая и лучшая в мире. А под ней популярные европейские газеты. В них вы можете прочитать подборку хвалебных отзывов о той концепции, которую я имел честь только что изложить.

Король Борислав первый возлежал на мягком диване, в арендованной резиденции. Увы, в стране не было королевских покоев. Здесь так и не построили ни одного замка или дворца. – «Двадцать три против одного! Шикарная победа. Ай да я! Ай да сукин сын! Всё-таки получилось! У меня всё вышло, как и задумывал!» – Размышления Орлеанского прервал телефонный звонок.

– Мои поздравления дружище! Мы все в тебя верили!

– Простите. С кем я говорю? И почему вы с правителем Андорры беседуете по-русски? Да будет вам известно, что государственными языками королевства являются испанский и французский. Извольте перейти на один из них.

– Скозоров. Ты что, белены объелся? Какой испанский? Это же я, Барякин. Не узнал что-ли, по голосу? Великолепно. Значит счастливым буду. Мы же с тобой в гражданскую вместе...

Монарх не стал слушать завершение монолога. Быстро опустил трубку на рычаг и подошел к окну. Там на площади развивался на ветру триколор, со спешно нашитой короной. Его короной!

Мысли вернули в прошлое. Родной городок Вильно в составе могучей Российской империи. Офицерское училище и служба на флоте. Две революции подряд. Гражданская война. Дальше как у всех. Полк в котором он служил красные разбили в пух и прах. Пришлось драпать. Добрался до Туманного Альбиона. Недолго послужил в военно-морских силах, благо со знанием языка был полный порядок. Но подчиняться островитянам не хотелось, а по сему, как говорится, покинул часть «по-английски» – не выходя в отставку и не прощаясь. Перебрался на материк. В Голландию. Новые друзья помогли обзавестись подданством тамошней королевы. Они же раздобыли приличные документы. Сделав его князем Орлеанским. Вроде бы даже с примесью королевской крови. Туфта конечно, но для маленькой Андорры сойдёт.

– « Мне удалось почти то же самое, что и самому Бонапарту. Конечно корсиканец стал монархом огромной страны, так это ведь более ста лет назад было. Нынче времена другие.» - Взгляд правителя упал на стол заваленный бумагами. – «Хватит бездельничать! Король обязан обрабатывать свою зарплату». -Он придвинул к себе кресло.

«Указ о назначении меня представителем Андорры в Лиге Наций.»

«Положение о праве монарха распускать парламент страны» и ещё манифест о том, что собственность на землю, а так же все природные ресурсы страны отныне и навсегда становятся достоянием жителей королевства.

Истари повелось. Карликовым государством, затерянным в Пиринейских горах, правили по чётным годам-епископ Урхельский, а по не чётным французский граф Фуа (ну, а позже графа сменил президент соседней Франции). За что каждому из них полагалась натуральная плата: 960 франков, 460 песет, 12 головок сыра, 12 каплунов, 12 куропаток, 6 окороков. Не велик доход, но всё же каплуны и головки сыра на дороге не валяются.

Совсем скоро избранный Генеральным советом монарх был объявлен епископом самозванцем. Король, в жилах которого текла не разбавленная славянская кровь, в долгу не остался. Объявил священнослужителю войну.

– «А наш-то какой молодец.» – Писали русские эмигрантские газеты. «У него слово с делом не расходится. Хана епископу. Будет знать, как драть с простого народа три шкуры. Одно плохо. Нет у него никакой армии. Может быть подсобить соотечественнику. Где наша не пропадала».

Не успели. Четыре гвардейца посланные епископом арестовали короля и доставили в Испанию. Передали местным властям для судебного разбирательства.

– В чём меня обвиняют? – возмутился отстранённый монарх.– Законов Андорры я не нарушал. Меня избрали согласно закона.

Все судьи в мире одинаковы. Был бы человек, а статья для него обязательно найдётся.

– Вы приговариваетесь к депортации, за незаконное пересечение границы.

– Так депортируйте меня назад. И все дела.

– Нет. Вас вышлют в ближайшее государство. То есть в Португалию.

В воздухе уже всюду пахло войной. Сильным мира сего было не до русского эмигранта. Первые лица Европы были заняты делами по важнее.

По некоторым сведениям герой нашего повествования с началом боевых действий очутился в концлагере, где и погиб.

Однако есть и другая версия, подтверждённая неоспоримым фактом.

Из неё следует, что Скюзрев не погиб. В конце войны его освободили американские войска и передали советским представителям. После чего он попал уже в ГУЛАГ, находящийся в Казахстане. Хоть и бывший король, но как не крути-белогвардеец. Отбыв положенный срок он вместе с остальными сидельцами отбыл в Германию на постоянное место жительства,

в городок Боппард. Там и скончался, дожив аж до 1989 года. О чём свидетельствует надгробная плита на местном погосте.

А как же его маленькое королевство. Живёт и процветает. Земля и недра государства, согласно монаршего повеления, находятся либо в государственной собственности, либо в собственности общин. И может быть передана, в первую очередь, гражданам страны! И лишь после этого лицам иностранных государств. Но только на правах аренды или концессии.

ответ: Борис Скосьрев

Загадка от стечения обстоятельств

Жена сосредоточено смотрела в чрево распахнутого старинного шифоньера. Сей дубовый артефакт достался нашей семье от моей бабушки по материнской линии, весил с полтонны и по этой причине никогда не принимал участие мероприятиях по перестановке мебели.

Несмотря на свои более чем внушительные размеры его сумеречное пространство было плотно завешано всевозможными предметами женского туалета.

Я стоял сзади и молча ждал того благословенного момента, когда моя ненаглядная, преодолев муки выбора, достанет из недр шкафа наряд подобающий нашему предстоящему походу в местный академический театр драмы.

– Дорогая. Если ты ещё минут пятнадцать потратишь на созерцание этой выставки изделий лёгкой промышленности, мы точно опоздаем на третий звонок! Будь добра поторопись с выбором.

– Тебе легко говорить. Напялил что под руку попало и вперёд. Да и костюмы с платьями нам женщинам портные всегда шьют много дольше чем вам мужчинам. Я уже не говорю о наших рысистых бегах, на высоких каблуках, по магазинам торгующих тканями.

Вытянув вперёд руки, я всем своим видом показывал, что полностью согласен с моей ненаглядной половинкой.

– Надень вот это.– Показал я на изящный брючный костюм нежно сиреневого цвета. По моему он очень подходит к цвету твоих глаз. А за это, по дороге в театр, ты услышишь от меня историю о самом скоростном изготовлении костюма, правда мужского, и к чему эта спешка в конце концов привела.

Из открытого окна послышался нетерпеливый сигнал клаксона. Заказанное такси подъехало к нашему подъезду.

– Давай начинай, я быстро.– Супруга торопливо усаживалась за туалетный столик. Надеюсь твой рассказ как-то связан с темой сегодняшнего спектакля?

– Конечно. А как же иначе. Только прошу тебя поторопись. Жалко если счётчик таксомотора уничтожит весь мой гонорар за изданную книгу.

– Ничего, ты ещё напишешь. Твоя муза, то есть я, тебе в этом обязательно поможет. Что там, с этим мужским костюмом? Я жду.

– Хорошо. Но обещай мне, что как только я закончу – ты назовёшь героя моей очередной загадки.

Супруга оторвала свой взгляд от зеркала и посмотрела на меня.

Очередная загадка. Интересненько. Не томи. Видишь я уже заканчиваю. И выгляни пожалуйста в окно, крикни этому нетерпеливому таксисту, что мы уже выходим.

Ночью 20 июня 1935 года возле старого дома в посёлке Загорянка остановился большой чёрный автомобиль.

– Я за вами – не представившись, сказал водитель. Быстро собирайтесь и едем в Москву.

– На Лубянку? – Испуганно поинтересовался вышедший из дома постоялец.

– Нет. Пока только в ателье, а дальше видно будет.

– Но ведь сейчас ночь. Все ателье закрыты- попытался возразить герой моего рассказа.

– Садитесь быстрее в машину. Времени совсем нет. То ателье которая нам нужно, уж точно открыто.– Водитель почти силой усадил мужчину в автомобиль, который тут же сорвался с места.

Костюм сшили менее чем за сутки. Из ателье его отвезли напрямиком на Белорусский вокзал. Нашего героя буквально втолкнули в дверь вагона отходящего поезда «Москва-Париж». В купе его ждал вальяжно развалившийся Исаак Бабель.

– Дорогой мой, вам предстоит выступить на международном конгрессе литераторов. Давайте не будем терять зря времени и быстренько приступим к написанию текста выступления.

Дорогой мой читатель, давай на время оставим двух людей в мягком вагоне поезда и перенесёмся в Париж, в Посольство СССР, за неделю до описываемых событий.

– На бульваре Мон парнас я сегодня подрался с Анри Бретоном -взволновано говорил Илья Эренбург. Об этом немедленно растреляют все эмигрантские, да и не только эмигрантские газеты. Я не могу после этого выступать на литературном конгрессе. В меня все будут тыкать пальцами. А я представляю не себя лично, а весь советский народ! Мне срочно нужна замена.

– И кого вы предлагаете? – Не отрывая головы от бумаг, поинтересовался сотрудник посольства.

– Вот его- Эренбург ткнул пальцем в фамилию в конце списка.

– Этого? – удивился дипломат. Но он же.

– Никаких но! Если вы не согласны, дайте мне телефон, я буду звонить самому.....

Посольский служащий знал, что Илья Эренбург запросто может позвонить самому, поэтому немного по возмущавшись, для порядка, выбранную кандидатуру одобрил.

После этого героя нашего повествования ночью подняли с постели, срочно сшили ему в кремлёвском спец ателье приличный костюм и не мешкая ни минуты отправили за границу.

Мужчина в новеньком с иголочки костюме к началу конгресса опоздал. Он появился в зале в предпоследний день. Тем не менее совершенно разные, незнакомые ему люди встретили его бурными овациями и аплодисментами.

«За границей мои книги практически не продаются. Их просто не переводят. Откуда же все они меня знают?» – подумал наш герой и быстро прошёл на отведённое ему место.

Собравшиеся в этом зале люди в тот момент хлопали не писателю, а беспартийному человеку из далёкого Советского Союза. Человеку не из элиты советского общества, не номенклатурному чиновнику, а трудяге пера, неведомо каким путём оказавшемуся на этом конгрессе.

По всей видимости, именно в тот момент наш герой осознал, что должен создать нечто такое, монументальное, что позволит ему там, в будущем, оправдать полученные авансом аплодисменты литераторов всего мира.

Он возвращался назад на Родину в состоянии полнейшего перевозбуждения. Всю ночь на пролёт беседовал с соотечественниками не давая тем поспать ни минуты.

– Вы понимаете, меня признала мировая аудитория. Мировая! Меня, ещё ничего толком не написавшего. Выходит, что они все в меня верят.

– Верят, верят- бурчали соседи по каюте парохода. Мы все в тебя верим и любим. Только дай наконец хоть часочек поспать. Чёрт тебя подери!

– Роман! Я напишу роман. Только эта литературная форма достойна таких оваций которых был удостоен. Вот увидите, у меня всё получится.

Кто-то попытался швырнуть в него подушкой, но наш герой не стал дожидаться. Он поспешил на палубу, на свежий, морской воздух.

«В нём, в этом романе я наконец смогу преодолеть самого себя. Объяснюсь со своим временем, со своей эпохой» -размышлял он в одиночестве, вглядываясь в тёмные воды моря.

Десять лет ушло на сбор материалов и на выстраивание отношений с государственной системой. Он отказывался подписывать коллективные письма с содержанием которых он был категорически не согласен. Но редакторы центральных газет его фамилию обязательно впечатывали, наряду с другими. Наш герой порой высказывал весьма крамольные мысли и не только

среди друзей, но даже в общественных местах. Но власти этого не замечали или делали вид, что не замечают. Началась и закончилась Великая отечественная война. И наш герой наконец приступил к задуманному роману. Писал долго- целых десять лет. А потом ещё пять.

Постаревший Илья Эренбург вернулся из очередной заграничной командировки. В тех далёких краях его любовница, а по совместительству законная жена бургомистра одного большого города однажды шепнула на ухо.

– Роман этого вашего, как его, ну ты знаешь о ком я, получит то, что заслужил.

Жена уже стояла в прихожей и в очередной раз поправляла причёску.

– Дальше не продолжай. Я уже знаю кто это. Давай поспешим. После твоих слов меня уже ничто не может остановить. Очень хочу посмотреть спектакль по его роману.

А ты, читатель тоже понял, о ком сей рассказ.

ответ: «Доктор Живáго» – роман Бориса Пастернака.

Золушка из русского средневековья

– Дядь Саш, а почему ты о любви ничего не пишешь? Это же очень здорово и так интересно. – Моя племянница тинейджер Екатерина, облизывая розовым язычком пухлые губки, старательно водит пером по листку бумаги. Нет, конечно же, не пером, а красивой гелевой ручкой. Но даже эта простая операция даётся ей с явным трудом.

– Катюша. Если честно. Я просто не умею.

– Это как художник Шишкин, что ли?

– А при чём тут Шишкин?

– Ну, ты даёшь! Всем же известно, что мишки на его знаменитой картине нарисованы художником Савицким. Кстати. Вот интересно, как они гонорар делили? Ты не знаешь?

– Знаю, – буркнул я. – Они же были друзьями, но при чём здесь любовь? Писатели очень даже часто пишут в соавторстве: Ильф и Петров, братья Стругацкие, Лавровы. Достаточно или ещё продолжать?

Катерина наконец-то оторвала взгляд от исписанного листка. – Нет! Ну, разве я не права? За окном двадцать первый век. Первая его половина почти заканчивается, а нашей Грымзе подавай сочинение, от руки написанное.

– Правильно. Если ты в школу принесёшь фолиант, напечатанный на принтере, как ваша учительница узнает, что это персонально твоё творение. Извини за тавтологию.

– А если ты его надиктуешь, то выходит тогда типа моё личное?

Я почесал затылок. – Ну скажем, не совсем, вроде бы как, соавторство получается. Катерина! Ты своими разговорами меня от дела отвлекаешь и по всему видать от написания сочинения увиливаешь. Я прав? Что у тебя за тема? И прекращай грызть ручку. Не гигиенично! Только в нашем «допотопном» двадцатом веке так поступали. Дремучими людьми были, что с нас взять.

– «Михаил Фёдорович Романов, начало новой династии», – буркнула племянница. – Ты сам посуди. Какая может быть династия без женитьбы? А она без любви? Кстати, у нас в учебнике, между прочим, про эту самую любовь ни строчечки. И как мне прикажешь сочинение писать?

– Катюша. Позволь с тобой не согласиться. С любовью в роду Романовых было, мягко скажем, не очень. Да и не только у них. Какая уж тут любовь, когда через брак важные государственные союзы создавались.

– Дядь Саш, это я и без тебя знаю. Ты мне про исключения лучше расскажи. У этого самого Михаила была в жизни любовь, такая что бы ух! Что бы за ней хоть в омут, хоть к чёрту на рога. И не пол, а всё царство целиком, к её ногам?

Я пододвинул к племяннице старинный стул, работы венских мастеров. – Давай, перемещайся сюда. На этом предмете тебе будет легче погрузиться в стародавние времена. Если, по-вашему, по-современному, проникнуть и проникнуться. Я сейчас расскажу тебе один эпизод из жизни монарха, а ты уж сама решай подходит он тебе по теме сочинения или придется изрядно погуглить.

– Ой. Как здорово. На это я очень даже сильно согласная. – Катерина взгромоздилась с ногами на стул и достала маленький серебряный диктофончик. – Это я для того, чтобы ни одного твоего словечка не упустить.

– Царю Михаилу шёл третий десяток. Не раз был женат. Но по странному стечению обстоятельств его супруги после свадьбы начинали страдать сильным недугом, а по сему ни о каком здоровом потомстве не могло быть и речи. Не буду вдаваться в подробности этих трагедий. В интернете, а лучше в книгах, прочтёшь. Если, конечно, захочешь. Но факт остаётся фактом.

Негоже государю российскому холостяком быть. Не по-христиански это. Не дай бог, что случится и всё! Конец династии. Опять на народном вече нового царя-батюшку на царство кликать придётся.

Писцы Посольского приказа докладывали, что у короля Дании имеются девицы на выданье. К сожалению, не родные дочери, но всё же чистая кровь. Потому как – племянницы. Ан не вышло. Не захотели датчане их в далёкую Московию отдавать. Припомнили, что был в прошлом прецедент. Королевича Иоанна отправили в Москву, для сватовства к Ксении Борисовне Годуновой. А тот по не известной причине в столице российской неожиданно заболел, да и скоропостижно представился. Кроме того, кандидатки в невесты не соглашались на главное требование русичей. А именно переход в веру православную. Ни знатные бояре, ни простолюдины даже в страшном сне не допускали такой возможности, что бы государыня-матушка была с народом своим не одной веры.

Искали невесту в заморской Скандинавии. Посылали сватов к Екатерине, сестре бранденбургского курфюрста. И везде отказ. Все дамы, как одна в православие переходить не желали.

– Дядь Саш, и что, во всей Европе никого не нашли? Разве такое бывает?

– Сдаётся мне. Просто устали искать. Время ведь идёт. Минул год со дня смерти супруги царя Михаила. Траур закончился. Государь наконец-то прислушался к уговорам матери и повелел смотрины местных, то есть наших российских невест, утроить. По высшему разряду.

– Ух, ты. Надо же. Первый в истории конкурс красоты. Класс! А сколько претенденток было?

– Шестьдесят девушек из самых знатных родов были вызваны в белокаменную.

– Вот это приз. Раз, два и ты уже царишна! Это тебе не банальная корона с блёстками. Да и та – переходящий приз. Всего-то на год, под расписку выдаётся. Просто, поносить. – Катерина закрыла глаза и повела острыми плечиками. По всей видимости представила себя на подиуме, сооружённом в палатах царских. – Всё. Прости меня, пожалуйста. Увлелась. Более не отвлекаемся. Будь добр, продолжай. И во всех подробностях.

– Понимаешь племяшка. К большому сожалению я там, в силу объективных причин, не был. Поэтому с подробностями как-то проблематично.

– Но ты же писатель. Сочини. Делов-то.

В белокаменную со всех концов государства российского потянулась ряды повозок с потенциальными царицами. Их сопровождали близкие и дальние родственники. Михаил от щедрот царских каждой претендентке пожаловал расшитые золотом одежды. Велел, чтобы именно в них девушки являлись пред его очи. Мать государя, инокиня Марфа, лично осмотрела каждую и тайно побеседовала. После этого родственникам претенденток было велено разъехаться по домам. Девушкам же отвели специальные комнаты и дозволили оставить при себе по одной прислужнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.